

Она, бесспорно, представляет интерес не только для тех, кто изучает историю религии, но и для этнографов, социологов, специалистов в области фольклора и всех, кто стремится разобраться в духовной жизни японского народа.

Г. Е. Комаровский

НАРОДЫ АМЕРИКИ

G. Valcárcel. *Perú mural de un pueblo. Apuntes marxistas sobre el Perú prehispanico*. Lima, 1965, 416 p.

Книга видного деятеля Перуанской коммунистической партии, известного перуанского журналиста и поэта Густава Валькарселя посвящена важным методологическим вопросам истории древнего Перу — одной из интереснейших цивилизаций во всей мировой истории.

Работа содержит предисловие, вступление и восемь глав: «От доклассовых обществ к империи», «Структура империи», «Производительные отношения в Тауантинсуйу», «Аграрные отношения в империи», «Налоги», «Положение женщины», «Классовый характер государства и права инков», «Первые стадии феодализма», библиографию и карту инкской империи. Это первое крупное марксистское исследование об обществе инков, поскольку другие советские и зарубежные историки и этнографы-марксисты до сих пор ограничивались либо общей характеристикой этого общества, либо освещением отдельных сторон его жизни¹.

Главная заслуга автора заключается в том, что несмотря на скромные цели книги — «служить лишь починим в деле изучения главных из выдвинутых проблем», ему удалось на основе данных исторических и лингвистических источников (хроники, первые словари кечуа, труды крупнейших перуанистов XIX—XX вв.) дать яркую картину древнего Перу и поставить ряд заслуживающих пристального внимания проблем, связанных с генезисом, характером общественного строя и историческим значением государства инков — Тауантинсуйу.

Автор отказался от широко принятого рассмотрения последнего в рамках рабовладельческой формации. По его мнению, в обществе инков начался переход от рабовладельческого строя типа древневосточной деспотии к феодальному, прерванный испанским завоеванием (стр. 73).

Согласно представлениям автора, инкское общество делилось на два главных класса — крупных сеньоров, собственников земли «первоначальных латифундистов» и крестьян-общинников (аутуруна). На вершине социальной пирамиды находился сам инка (или, вернее, верховный инка), первый землевладелец, за ним следовали вильякуму (верховный жрец), орехоны (вышая инкская знать) Куско, составлявшие «эмбриональную ткань феодального организма», жрецы и воины высшей иерархии и, наконец, кураки — местная знать из покоренных племен (стр. 249, 369, 372). Инка дарил им за верную службу земли, а некоторым куракам даже разрешал — на правах частной собственности — пользоваться своими прежними именами и крепостными. Общинники обрабатывали земли инки, храмов и местной знати, ухаживали за господским скотом — ламами и альпаками (так называемая минга), трудились в государственных лесах, рудниках, на плантациях коки, на строительстве дорог, каналов и плотин, дворцов, а также складов продовольствия (так называемая мита), платили подати натурой и людьми. В остальное время они работали на своих парцеллах (топо), которые им ежегодно предоставляла община-айлью. Необходимую одежду и сельскохозяйственный инвентарь общинники изготавливали для себя сами. Специальное законодательство охраняло права феодалов на землю и крепостных, частную собственность на орудия и средства производства. С появлением прослойки ремесленников — как полагает автор — стала возрастать экономическая роль крупных городов, выступавших первоначально лишь как административные центры. Однако в условиях

¹ См., например: Х. К. Мариатеги, *Семь очерков истолкования перуанской действительности*, М., 1963 (глава «Религия Тауантинсуйу» и отдельные замечания в других местах); «Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка», М., 1957 (глава о государстве инков); Г. А. Попов, *Культура точного знания в древнем Перу*, Пг., 1923; А. А. Сидоров, *Искусство древней Америки*, М.—Л., 1937 (гл. «Искусство стран Южной Америки»); А. Ф. Ш у л ь г о в с к и й, *Индейцы Перу и современная цивилизация* (взгляды Х. К. Мариатеги на индейский вопрос и их значение для современности), М., 1964. Некоторые материалы по этим проблемам имеются в книге: «Народы Америки», т. II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1959.

раннего феодализма в Перу господствовало замкнутое натуральное хозяйство, без сколько-нибудь развитых отношений обмена (стр. 368—370).

Довольно подробно излагаются вопросы социальной структуры общества инков. Особенно ценные сведения приводятся о трех специфических категориях населения (или, по определению автора, «субклассах») — янакунах, митимайя и аклья. Янакуна, работавшие на господ, только а кров, пищу и одежду, по мнению автора, явились «плодом дани людьми с завоеванных народов», «также существовали янакуна, ставшие ими вследствие уклонения от миты или исполнения какой-либо уголовной санкции» (стр. 228). Значительным количеством янакуна владели инки Куско, знатные лица — кураки, жречество и военная и административная аристократия (стр. 229). Показывается социальная неоднородность митимайя среди которых были как люди, выселяемые из родных мест за нелояльное отношение к господству инков, так и целые семьи, переселявшиеся во вновь покоренные области в качестве опоры этого господства, а также люди, направляемые для колонизации малонаселенных и необжитых местностей (стр. 237). Дань людьми с покоренных племен породила, по мнению автора, и другую интересную социальную категорию — аклья, которую в нашей исторической и этнографической литературе иногда сопоставляют с весталками древнего Рима или средневековыми монахинями. Автор выделяет две категории в этой своеобразной социальной прослойке женщин: 1) вечные затворницы, служившие у господ и в храмах; 2) временные наложницы инки и знати, а, возможно, и жрецов. При этом он показывает, что внутри обеих групп существовала социальная дифференциация. В первой мамакуны (старшие аклья) и служанки, а во второй — привилегированные, получавшие в качестве «вознаграждения» дома, участки, земли, имения и пр., и временные и пожизненные служанки в столице и главных городах (стр. 207—210).

Особая глава посвящена индейской общине. В ней прослеживается эволюция от первобытной родовой общины до территориально-экономической общины, составившей социальную базу Тауантинсуйу и дожившей в таком виде до наших дней (стр. 85—87).

Подробно рассматривается вопрос о податях и повинностях. Автор показывает, что они платились инке, жрецам, местным «идолам», знати, высшим и средним чиновникам и даже мумиям царей и государственным «святыням». Это были различные формы принудительного труда общинников, натуральные налоги разнообразных видов — от золота до солдатской обуви и от початков кукурузы до хищных зверей — и, наконец, дань людьми (стр. 191—192). В территориальном отношении подати и повинности распадалась, по мнению автора, на три вида: 1) всеобщие подати (принудительные работы на землях инки и храмов, участие в мите для нужд государства или знати, подати людьми и натурой); 2) региональные или местные (работы на землях, в домах местной знати — курак, или в местных храмах; натуральные налоги); 3) мирские повинности (бесплатная обработка участков вдов, сирот, стариков, инвалидов, больных и отсутствующих «тягловцев» и заготовка продовольствия для общины на случай стихийных бедствий) (стр. 193—194).

Автор дает высокую оценки роли государства инков в мировой истории. Используя самые лучшие из достижений предшествующих культур (стр. 355), государство инков превратилось в начале XVI в. в самую обширную и самую развитую в экономическом и военном отношении державу доколумбовской Америки, простиравшуюся от Южной Колумбии до Среднего Чили и северо-западной части Аргентины (стр. 54, 78, 376—377). При этом оно вобрало в себя множество племен и народов. Согласно данным хрониста Хосе де Акосты, в ней насчитывалось 700 различных языков и диалектов (стр. 93). Подчеркивается, что для своего времени государство инков представляло самую прогрессивную социальную организацию в древней Америке (стр. 76). И даже гибель этой державы под ударами испанских завоевателей не могла зачеркнуть достигнутых инками результатов: «Государство Тауантинсуйу погибло, но не погибла культура индейских масс. Многие из последней было утрачено навсегда... Но другая часть (этой культуры) сопротивлялась испанцам в течение веков и будет жить, пока сохраняются национальности и народы Перу, древней и мужественной страны» (стр. 355)².

Большое внимание в книге уделено материальной и духовной культуре, обычаям и быту древних перуанцев. Приводятся сведения о бесспорно лучшей для того времени системе дорог, двух магистральных и многочисленных вспомогательных, с мостами (интересно описание одного из способов переправы людей через пропасти в корзинах, постоянным дворам (порой на высоте 4 тыс. м), и о блестяще организованной курьерской службе, позволявшей передавать срочные сообщения за минимальные сроки, напр., из Куско в Кито на расстояние 2 тыс. км всего за 10—15 дней (стр. 91). Приведен ряд восторженных оценок этих дорог со стороны совре-

² Испанские власти использовали ряд институтов общества инков (мита и др.) и сохранили на целые столетия многие из их методов ведения хозяйства, например, в земледелии, в горном деле и выплавке металлов. Надолго сохранилась и память о Тауантинсуйу среди покоренного населения. Недаром вплоть до 1923 г. руководители всех индейских восстаний в Перу принимали имя Тупак-Амару, последнего правителя инков.

менников завоевания и позднейших исследователей. Вот что, например, писал Эрнандо Писарро (брат завоевателя Перу): «По правде говоря, во всем христианском мире не сыскать таких прекрасных дорог» (стр. 91).

Касается автор и вопроса о письменности древних перуанцев. Автор полагает, что перуанские петроглифы, знаки и рисунки на дереве, на коврах и погребальных холстах, на керамике, а также узелковое письмо кипу, скрывают «секрет доалфавитной письменности, которую до сих пор никто не смог разобрать» (стр. 103). Интересна также авторская дифференцировка кипу на два вида: 1) для подсчетов, 2) для информационных целей (история, право, религия и пр.) (стр. 115).

Заслуживают внимания также отдельные сведения о состоянии просвещения и науки в царстве инков, приводимые автором: свидетельство Сармьенто де Гамбоа о созыве инкой Пачакути «историков» со всего царства для того, чтобы выслушать их рассказы о прошлом и дать задание «зарисовать» на больших «досках» всю историю инков (стр. 117), и сообщение другого, менее известного хрониста — Мартина де Моруа о школах мальчиков в столице империи, где обучали языку кечуа, кипу, истории инков и их завоевательных войн и пр. (стр. 105).

Что же касается собственно этнографических сведений, то особенно большой интерес представляют сообщаемые автором материалы о браке и семье. Приводятся сведения о суровых наказаниях за прелюбодеяние и кровосмесительные связи, но интересно, что в понятие последних не входили браки между братьями и сестрами. Автор показывает, что моногамия практически существовала лишь для угнетенных классов (стр. 208). Каждый верховный инка имел не менее 700 женщин в услужении и для «развлечения» (по свидетельству Сьесы де Леона, стр. 207). Аристократы получали женщин в качестве награды или милости от инки, в наследство от отцов и братьев и т. п. (стр. 277—278).

Наконец, представляют немалый интерес утверждения автора, опирающиеся на сообщения хронистов, о редкости человеческих жертвоприношений в империи инков: они существовали, но ограничивались исключительными случаями, такими как смерть инки, приход к власти нового государя, в случае если царствующий инка тяжело заболел или лично отправлялся на войну (стр. 211, 226).

Однако, наряду с несомненными достоинствами, книга содержит некоторые ошибки и недочеты, главным образом методологического характера.

Не совсем правильно, на наш взгляд, изложен процесс гегезиса государства инков. По мнению автора, оно возникло как следствие серии завоевательных войн, а не как следствие классовых противоречий, зародившихся в лоне родового общества (стр. 316). Но в то же время автор называет конфедерацию племен кечуа «эмбрионом Тауантинсуйу», тем самым противореча самому себе.

Хотелось бы более убедительного обоснования автором мнения о феодальном характере общественного строя инков. Справедливо отвергнув старые взгляды о наличии у инков рабовладельческого строя, он утверждает, что единственным (!) отличием социальной ситуации в древнем Перу от классического феодализма было отсутствие собственного хозяйства у крестьян.

Малоубедительной и к тому же весьма противоречивой представляется нам трактовка янакуна как полурабов и одновременно как тип древнего люмпен-пролетариата (стр. 229).

Устарелыми являются представления автора об отсутствии рыночных отношений в обществе инков. В главе о письменности не использованы работы боливийского ученого Д. Ибарра Грассо.

Но все это ни в коей мере не может поколебать общей положительной оценки книги. Написанная с марксистских позиций, яркая книга Г. Валькарселя, несмотря на некоторые недочеты и противоречия, заслуживает перевода на русский язык и была бы интересна для широкого круга советских читателей — специалистов этнографов и медиэвистов, студентов, преподавателей истории в средней школе и вообще всех, интересующихся древней историей Нового Света. Это тем более желательно, что за последние сорок лет у нас не издано ни одной крупной научной работы о древнем Перу, не говоря уже о том, что хроники на русский язык не переводились вовсе, так же как и сколько-нибудь серьезные труды крупнейших зарубежных перуанистов (даже сокращенный и крайне неудовлетворительный перевод превосходной работы У. Прескотта о завоевании Перу³ давно уже стал библиографической редкостью), а главный эпос древнего Перу — «Апу-Ольянтай» имеется только в переводе с немецкого⁴.

Н. В. Русинов

³ В. Прескотт, Завоевание Перу, кн. I, СПб., 1886.

⁴ «Олланта», Древнеперуанская драма из времен инков, пер. Ф. Б. Миллера, «Русский вестник», т. 129, 1877, май, стр. 149—217.